

УДК 159.922

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ «СУБЪЕКТ – ОБЪЕКТ» И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Б.С. Алишев

Аннотация

В статье предпринята попытка теоретически проанализировать и обосновать понимание ценностей как функциональных связей, возникающих во взаимодействии в системе «субъект – объект». Показано, что это взаимодействие происходит в условиях неизбежной неопределенности. Необходимость ее преодоления, в свою очередь, порождает необходимость определения значений. Определение значений рассматривается в статье как одна из общих функций психики. В то же время всякое определение значений конкретно и осуществляется в рамках различных функциональных модальностей (с различных точек зрения). Они существуют в разных формах на разных уровнях эволюции, а у обладающего сознанием человека проявляют себя как ценности.

Ключевые слова: субъект, объект, взаимодействие, неопределенность, преодоление неопределенности, определение значений, функциональные модальности определения значений, ценности.

В научных исследованиях проблема ценности возникает в трех планах. Во-первых, поскольку наука – сфера деятельности человека, в ней отражаются идеалы, убеждения и мировоззренческие позиции последнего, а различные теории и концепции неизбежно несут на себе отпечаток ценностей их авторов. Во-вторых, сама наука, безусловно, может рассматриваться как нечто, представляющее ценность. Наконец, в-третьих, раз существует такое явление, как ценность, оно непременно должно получить научное объяснение, то есть перед наукой стоит задача построения теории ценности.

Первые два из указанных планов входят в противоречие с третьим и затрудняют решение задачи. Представляя ценность, наука часто используется в политических интересах, а значит, в ней появлялись и будут появляться теории, ориентированные не столько на поиск истины, сколько на обслуживание этих интересов. С другой стороны, наличие у познающего субъекта ценностей влияет на содержание выстраиваемых им теорий (в том числе теорий ценности). Ярчайший пример – этико-философские системы Эпикура и стоиков. В основу каждой положены постулаты, на базе которых последовательно разворачиваются концепции, приводящие первого к идее наслаждения жизнью, а вторых – к проповеди аскетизма. Концепции исходят из первоначальных положений, не имеющих ценностного содержания, но завершаются выводами, в которых оно обнаруживается с совершенной ясностью. Что же на самом деле было первично для их авторов? Есть все основания думать, что в обоих случаях первичным было

ценностное отношение к действительности, специфическое представление о жизни и ее предназначении, и именно оно как движущая сила стало причиной построения соответствующих теорий. Они строились как бы «в обратном порядке». Скорее всего, стремление найти объективное обоснование своим ценностным, мировоззренческим позициям привело одного к ощущению, других к разуму как к исходным, сущностным категориям. Подобный ход построения философских систем был характерен и для последующих эпох, включая современную.

Хотя проблема ценности имеет давнюю историю разработки в разных науках, ясности в ней нет никакой; существуют взаимоисключающие концепции, а ценностями называют все, что угодно, от материальных объектов до психических явлений и когнитивных конструкций сознания. Все это дало основание А. Маслоу много лет назад заявить: «...мы можем представить себе понятие “ценности” как большой сундук, где хранятся самые разнообразные, зачастую непонятные вещи», а само слово «ценность» оказывается тогда «просто биркой на сундуке» [1, с. 122]. В современной науке ситуация ничем не лучше. Сотни эмпирических исследований посвящены определению структуры разного рода ценностных предпочтений в тех или иных группах людей, но очень мало делается для того, чтобы разобраться в сущности самого феномена ценности.

Анализ ситуации, сложившейся в конкретных науках, непосредственно изучающих ценности общества, социальных групп и отдельных личностей (социология, психология, культурология и др.), показывает, что наибольшее распространение получили два подхода к трактовке их сущности: позитивистский, в рамках которого ценность определяется как объект, имеющий значение, или как значение объекта для субъекта, и трансцендентальный, опирающийся на идею об абсолютном характере ценностей и их принадлежности к третьему, не предметному и не психическому миру.

Основы первого подхода были заложены еще Т. Гоббсом и Дж. Локком; позже он стал аксиоматическим для социологии (М. Вебер, У. Томас и Ф. Знанецкий, Т. Парсонс и др.), а в экономических науках получил наиболее ортодоксальное воплощение. В частности, еще в начале XX в. Ф.Х. Найт использовал понятие «шкала ценности» и отождествил ее с системой «количественных соотношений эквивалентности для товаров» [2, с. 93], а Дж.М. Кейнс писал, что сумму ценностей можно выразить в деньгах [3, с. 43]. Как можно видеть, здесь ценность фактически полностью отождествляется со стоимостью, и, следовательно, она сравнительно легко поддается измерению.

Сторонниками второго подхода, восходящего к идеям И. Канта, были и являются многие крупные специалисты в области культурологии и этики, например, Н.А. Бердяев, В. Виндельбанд, Б. Кроче, Г. Риккерт, М. Шелер и др. Показательным в данном случае является высказывание Г. Риккерта: «Сами ценности... не относятся ни к области объектов, ни к области субъектов. Они образуют совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта» [4, с. 23]. Практически то же самое можно видеть у Н. Гартмана, утверждавшего, что ценность независима и от своего материального носителя, и от более или менее адекватно сознающего ее субъекта [5, с. 477]. В таком

понимании ценности превращаются в некие «вещи в себе», недоступные обычному познанию.

Среди психологов немало приверженцев и первого, и в второго подходов. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сослаться на Г.В. Суходольского и М.И. Бобневу. Для первого ценности – полезные результаты деятельности, то есть шкала полезности оказывается и шкалой ценности [6, с. 102], а с точки зрения второго исследователя, они носят абсолютный характер, их невозможно измерять в «ценовых» единицах [7, с. 94]. Такие же различия в подходах можно обнаружить и у зарубежных психологов (достаточно, например, сопоставить взгляды на данную проблему Дж. Роттера и А. Маслоу).

Обе трактовки, безусловно, имеют право на существование. Каждая из них выдвигает на передний план разные аспекты проблемы и демонстрирует ее сложность и неоднозначность. Но наличие сильно отличающихся друг от друга ответов на вопрос о сущности ценности порождает сомнение: идет ли речь об одном и том же феномене? Складывается «ощущение», что в термин «ценность» вкладываются разные смыслы. Они настолько отличаются друг от друга, что правильнее было бы говорить о существовании разных явлений, обозначаемых одним словом. Сравним два коротких выражения: «свобода – ценность» и «ценность свободы». Используется ли слово «ценность» в них в одном и том же смысле или хотя бы в близком? Безусловно, некая смысловая общность имеется, однако велики и различия. Первое выражение включает свободу в число ценностей, в перечень того, что может иметь значение. Второе поднимает вопрос о мере объективного и субъективного значения свободы. В первом случае под ценностью подразумевается некий феномен бытия человека, во втором – подлежащая количественному измерению характеристика этого феномена. В первом смысле правомерно использование словосочетаний «общечеловеческие ценности», «гуманитарные ценности» и т. д., а во втором смысле ценность часто сводится к полезности.

Можно ли выйти из ситуации, сложившейся в философии и конкретных науках вокруг рассматриваемой проблемы, и предложить такое понимание сущности ценностей, которое позволит преодолеть недостатки традиционных подходов? Такая возможность, с нашей точки зрения, появляется, если предположить, что ценности не локализованы в мире объектов, но и не образуют какого-то отдельного, «третьего мира». Ценности «находятся» в связях между субъектом и объектом, в их взаимодействии. Такое понимание предлагали и другие психологи. В частности, у Е.А. Климова можно прочесть: «ценности не существуют вне отношения “субъект – объект”, и их не следует отождествлять с чем-то существующим вне и независимо от субъекта» [8, с. 133]. Однако детального обоснования этой идеи им не было дано.

Трудность такого обоснования заключается в том, что взаимодействие – «всего лишь» процесс, за который «трудно ухватиться». Его участниками являются имеющие реальное бытие субъекты и объекты; его результатом являются изменения в объектах и в ментальном мире субъекта. Но объекты и субъекты имеют длительность существования, а взаимодействие неуловимо, оно непрерывно «исчезает» во времени. Взаимодействие исчезает, а взгляд человека останавливается либо на объектах, либо на самом себе, своих образах, чувствах

и идеях. Неслучайно В.А. Петровский замечает, что из теоретических исследований деятельности в психологии исчезает сама деятельность [9, с. 30–43]. Ценности почти инстинктивно «помещаются» человеком либо во внешний мир, либо во внутренний и приобретают два совершенно разных облика. Отнесенные к более изменчивому внешнему миру, они кажутся столь же изменчивыми и относительными (атрибуты); отнесенные к более постоянному внутреннему, – начинают казаться абсолютными и вечными (феномены).

Для того чтобы разобраться в их действительной сущности, нужно проанализировать, как происходит *взаимодействие* между Человеком и Миром. Его важнейшей особенностью является то, что оно разворачивается во времени, и в каждой ситуации взаимодействия обязательно присутствует та или иная мера неопределенности ее текущего смысла и ее вероятного исхода. Поскольку длительное сохранение неопределенности исключает саму возможность существования субъекта, он в каждой ситуации должен стремиться к достижению максимально возможной определенности. Но поскольку максимальная определенность – то же самое, что абсолютная истина, а последней, как известно, не существует (абсолютная истина, в свою очередь, соответствует полной определенности, которая вообще невозможна хотя бы по причине наличия фактора времени), субъект вынужден удовлетворяться достижением приемлемого для себя уровня определенности. Следует оговориться, однако, что не всякая определенность устраивает субъекта, так как она может носить и негативный для него характер. Поэтому в ряде случаев он может предпочитать сохранение приемлемого для себя уровня неопределенности.

Преодоление неопределенности и достижение определенности (в субъективном плане) предполагает необходимость определения значения поступающей информации. Но совершенно очевидно, что всякое значение может быть только конкретным. Не существует абстрактного вообще-значения. Это логически вытекает из того обстоятельства, что нет универсальной потребности субъекта и нет универсального объекта, способного удовлетворить любую актуализировавшуюся потребность. Следовательно, значения всегда обладают тем или иным содержанием. Сам же вопрос о содержании значения – это есть вопрос о *функциональности* объектов и взаимодействия с ними. Всякое взаимодействие субъекта с объектами является функциональным, и все окружающее он рассматривает с точки зрения его функциональности для себя. Поэтому под *функцией* мы подразумеваем *конкретное содержание связи между субъектом и объектом* в процессе их взаимодействия. Функциональность нельзя свести к полезности в узком смысле, так как последняя является всего лишь одной из возможных функций.

Указанная конкретность значений является, впрочем, относительной, и понятие функции не только фиксирует содержание взаимодействия между субъектом и объектом в частном случае. Оно определяет его в общем виде, то есть типизирует различные взаимодействия, указывая на наличие принципиально общего во многих из них, несмотря на все внешние различия. Всякая функция является именно *обобщением*. В том, что это так, убеждают сами особенности строения психики. В ее структуре важнейшее положение занимают различные механизмы, обеспечивающие обобщение, поскольку только так субъект в со-

стоянии вычленять среди огромного многообразия окружающего мира то, что действительно важно для него. Как известно, способность к обобщению является одним из основных свойств мышления. Л.С. Выготский в связи с этим писал: «...каждое слово представляет собой скрытое обобщение, всякое слово уже обобщает, и с психологической точки зрения значение слова представляет собой обобщение» [10, с. 674]. Далее он делает вывод: «В силу этого мы можем заключить, что значение слова... его обобщение представляет собой акт мышления в собственном смысле слова» [10, с. 674].

Однако не только мышление, но и другие психические процессы, в первую очередь эмоции, обеспечивают обобщение. Более того, они являются древнейшим механизмом обобщения и для определенных типов ситуаций справляются с этой задачей значительно лучше и быстрее мышления. Чтобы убедиться, достаточно обратить внимание на наличие совсем небольшого количества основных эмоций (радость, страдание, страх, гнев, интерес, стыд, отвращение и некоторые другие), каждая из которых «приложима» к бесчисленному количеству различных объектов и ситуаций. Сотни и тысячи совершенно непохожих друг на друга причин могут вызвать радость, и столько же найдется причин для страха, гнева, удивления. Можно только поражаться тому, как психика без всякого вмешательства сознания (хотя и совершая порой ошибки) в считанные доли секунды «находит» в совершенно разных объектах и ситуациях нечто существенно общее и сообщает об этом через эмоцию. Она позволяет подвести объект, ситуацию к некоему классу однотипных по содержанию значений. Она – сигнал о функциональности взаимодействия. Такую трактовку сущности эмоций предлагал когда-то Ж.-П. Сартр, который писал: «Эмоцию можно понять, только если искать в ней *значение*. По своей природе это значение функционального порядка. Следовательно, мы приходим к тому, чтобы говорить о функциональности эмоции» [11, с. 127].

Непосредственное участие в психологических механизмах обобщения принимают также восприятие и память. Вряд ли, например, индивидуальная память возникла и стала развиваться у человека для того, чтобы он мог время от времени с умилением или с тоской вспоминать свое прошлое. Вовсе нет. Она появилась как психический механизм, обеспечивающий сличение данных текущего восприятия с различными прецедентами и образцами, позволяющий «помещать» непосредственно наблюдаемый объект, явление, ситуацию в некий обобщенный класс значений. Таким образом, психика в целом (включая сознание) может быть представлена как инструмент обобщения и преодоления неопределенности. Одна из ее важнейших задач состоит в том, чтобы создавать упорядоченный образ реальности. Она должна в каждой ситуации выявлять самое существенное для данного момента времени и для целостной жизни. В то же время механизмы обобщения нельзя оторвать от механизмов различения, поскольку обобщать можно только, одновременно отделяя одну сущность от всех остальных.

Итак, существует большое количество объектов, имеющих одну и ту же функциональность, что и позволяет делать обобщения. Верно, однако, и обратное: каждый объект может «обладать» множеством функций (на самом деле функция не является принадлежностью объекта, и именно поэтому слова

«имеющих» и «обладать» взяты в кавычки). Например, один и тот же камень может пригодиться для постройки стены, для того чтобы подложить его под колесо автомобиля, для того, чтобы бросить его в воду и любоваться расходящимися кругами и т. д. Отсюда следуют два важных вывода: во-первых, перед субъектом в целом существует матрица функций и объектов, а во-вторых, объекты оказываются для него взаимозаменяемыми. Субъект не смог бы просуществовать без различных объектов и секунды, но, в сущности, они ему абсолютно не нужны. Ему нужно, чтобы реализовывались функции, а какие именно объекты будут это обеспечивать, не так уж и важно.

В сравнительно редких случаях для субъекта имеет значение именно данный объект. Для человека чаще всего такими объектами оказываются некоторые люди, иные живые существа, определенные системы идей, предметы, связанные с дорогими людьми и служащие напоминанием о них, неповторимые предметы (существующие в одном экземпляре) и др. Все это – уникалии, не имеющие аналогов. Но в последних двух случаях возможны замены: памятную вещь нетрудно заменить аналогичной, и человек даже не догадается о подмене, а неповторимые предметы, например произведения живописи и различные иные раритеты подделываются так, что подделка десятилетиями принимается за оригинал. Самое любопытное, однако, в том, что копия сразу перестает привлекать своего обладателя, как только он узнает, что она – копия; он теряет к ней интерес, хотя в течение долгого времени, пока считал ее оригиналом, она вызывала в нем массу всевозможных чувств. Почему, ведь объект не изменился, в своей форме и структуре он остался точно таким же, каким и был? Изменилось лишь знание субъекта о некоторых его свойствах.

В связи с этим обратим внимание на следующее. С тех пор как человечество вступило в эпоху массового производства, имеет место многократное тиражирование объектов, имеющих совершенно одинаковую структуру и функцию. В миллионах экземпляров производятся совершенно одинаковые или чрезвычайно мало отличающиеся друг от друга ложки, сигареты, туфли, гвозди, электрические лампочки, книги и т. д. Даже художественные произведения, отличаясь друг от друга жанром, сюжетом, композицией, стилем и прочими структурными параметрами, могут в функциональном отношении вовсе не быть уникалиями. Например, в разных национальных культурах, а нередко и в рамках одной, существуют произведения искусства, в которых выражаются одни и те же идеи и которые вызывают одни и те же чувства, но структурно они разные. За всю историю человечества написаны (если забыть о нюансах сюжета, названиях произведений, именах персонажей, композиции, мере таланта авторов и обращать внимание только на суть) не одна «Ромео и Джульетта», не один «Гобсек» и не один «Фауст». Но структурное подобие тоже не исключает разной функциональности. Например, на один и тот же сюжет о докторе Фаусте и Мефистофеле были написаны произведения К. Марло, Г.Э. Лессингом, И. Гете, А. Шамиссо, А.С. Пушкиным, Ч. Мэтьюрином, И.С. Тургеневым, Т. Манном и др., но этико-философские трактовки знаменитой коллизии не всеми из них предложены одинаковые.

Для единичного субъекта и структурных, и функциональных уникалий больше. Во-первых, он вступает во взаимодействие лишь с той частью приро-

ды и культуры, которая ему доступна в пространстве и во времени, а это ограничивает вероятность контактов с тождественными объектами. Во-вторых, для него признаками той или иной функциональности обладает меньшее количество объектов, чем для всей общности. Например, в русской музыкальной культуре существует целый ряд близких по содержанию и мелодическим интонациям романсов, каждый из которых (объективно) ничем не хуже других, но у конкретного субъекта часто какой-то один вызывает массу переживаний, а остальные он «не слышит». Только в одном реализуется функция, состоящая в пробуждении определенных чувств, а для другого субъекта ту же функцию может выполнить другой романс. Здесь происходит «замыкание» функции на объекте.

Наиболее яркие примеры подобного «замыкания» демонстрирует феномен любви. В нем функция «находит» конкретный объект (другого человека), а прочие объекты, среди которых есть ничем не худшие, перестают, хотя бы на время, существовать. В некоторых случаях замыкание оказывается настолько сильным, что возникает явление, называемое страстью. Это можно наблюдать не только в любви, но и в феномене «боления» в спорте, в коллекционировании и т. д. Что на самом деле важно для коллекционера: сами объекты, которые он собирает, или обладание ими? По всей видимости, чаще суть заключена все-таки в обладании, а оно представляет собой такую форму связи между субъектом и определенными объектами, при которой гарантируется сохранение постоянного взаимодействия между ними. Обладать – то же самое, что обеспечить себе необходимую определенность и уверенность в будущем, избавиться от тревоги и страха перед «самопроизвольным» исчезновением нужных объектов.

Стремление к обладанию в той или иной мере характерно для любого человека (впрочем, как и для других живых существ, у которых оно проявляется в иных формах). Можно сказать, что оно обусловлено самим отличием субъекта от объектов. В свою очередь, на нем, на самой природой обусловленном стремлении зиждется вся экономическая жизнь современного человечества (феномен собственности). Еще в середине XIX в. данную проблему проанализировал М. Штирнер [12], обратив внимание и на ее психологические аспекты, а спустя 100 лет Э. Фромм [13] поднял вопрос о фундаментальном противоречии между «иметь» и «быть», хотя и рассмотрел его больше в патетическом плане, чем в строго научном. И все-таки, несмотря на все значение, которое может иметь для конкретного субъекта обладание теми или иными объектами, оно обусловлено отнюдь не потребностью в них самих, а потребностью в том, чтобы постоянно существовала и воспроизводилась та или иная функциональная связь.

Эти очень кратко изложенные соображения позволяют утверждать, что для субъекта на самом деле важны не объекты, а реализация функций. Лишь субъективно он привязывает функцию к тем или иным объектам и начинает привязываться к ним сам.

Итак, объекты оцениваются субъектом в зависимости от своей функциональности, а она может быть разной. Отличающиеся друг от друга по содержанию типы функциональности можно назвать *функциональными модальностями определения значений*. Если определение значения происходит в рамках одной и той же функциональной модальности, задача сводится к относительно

простому измерению одного параметра у множества объектов (для каждой модальности определения значений существует свой функционально-оценочный континуум, своя шкала измерений). Если определяется значение самих функциональных модальностей, задача состоит в определении их приоритетности относительно друг друга.

Функциональные модальности определения значений, как и объекты, должны быть представлены в психике и в сознании субъекта. Объекты воспринимаются органами ощущений и в психическом плане существуют в виде образов. А функции? В какой психической форме существуют они? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно, в первую очередь, назвать хотя бы некоторые из них. До сих пор нами приводились только отдельные примеры. Теперь нужно подойти к этому вопросу систематически.

По всей видимости, имеется сравнительно небольшое количество конечных функций, реализуемых во взаимодействии в системе «субъект – объект». Элементарный анализ этого взаимодействия как процесса преодоления неопределенности показывает, что могут быть достигнуты два типа определенности: *плюс-определенность* и *минус-определенность*. В первом случае объект или ситуация удовлетворяют потребности субъекта или хотя бы не создают ему угрозы. Во втором случае – налицо угроза субъекту: либо существует прямая угроза его существованию, либо нет возможности удовлетворить актуальную потребность (имеет место депривация). Возможен также случай, когда изначальная неопределенность непреодолима. Мы обозначаем его как *ноль-определенность* (в этом случае определенность состоит лишь в том, что невозможно достичь приемлемого ее уровня). Это и есть наиболее фундаментальные модальности определения значений.

В животной среде действует система определения значений, включающая в себя различные генетически обусловленные механизмы, а также образцы, закрепленные в индивидуальном опыте. Она имеет важную особенность: процесс достижения определенности происходит преимущественно в рамках функционального континуума, который, говоря «человеческим языком», можно обозначить как «полезно – вредно». Полезно – это плюс-определенность, вредно – это минус-определенность. Этот континуум определения значений носит применительно к животному миру чисто биологический характер. Он организмичен. Разумеется, у живых существ, особенно ведущих групповой образ жизни, плюс-определенность часто не сводится к индивидуальной пользе, но сути дела это не меняет.

Поведение может соответствовать принципу полезности в двух случаях: либо если имеется жестко организованная система инстинктов, либо если имеется жестко рационализированный контроль сознания. И то, и другое, однако, лишь абстрактные возможности. Поэтому поведение не может напрямую управляться на основе данного принципа. Этот принцип должен быть операционализирован путем «перевода» на понятный живому существу «язык». Такой «язык» образуется при помощи другого, чисто психологического функционально-оценочного континуума. Назовем его условно «приятно – неприятно» и обратим внимание на следующие два момента: а) эта модальность определения значений характерна даже для сравнительно низкоорганизованных живых существ;

б) для животных, как правило, что полезно, то и приятно. Исключения из последнего правила, конечно, есть, и нередкие, но они являются скорее следствием трудностей «перевода» с физиологического языка на психологический, и наоборот.

Приятное и неприятное фиксируется при помощи системы аффектов, причем каждому виду определенности и неопределенности соответствуют конкретные аффективные реакции, которые являются индикаторами, делающими «понятным» значение субъекту объекта, ситуации. Наличие в любой ситуации взаимодействия большей или меньшей неопределенности изначально предполагает необходимость существования некой базальной реакции «интерес – тревога». Первая ее сторона связана с плюс-определенностью, вторая – с минус-определенностью. Она должна иметь возможность в считанные доли секунды приобретать форму либо интереса, либо тревоги, что и обнаруживается в поведении многих животных.

Достижение плюс-определенности отражается в следующей аффективной последовательности: базальная реакция – интерес – радость (последний термин не совсем адекватен для описания состояния животного, но, так или иначе, имеется некий аналог данной эмоции). Достижение минус-определенности «сообщается» другой последовательностью: базальная реакция – тревога – горе.

В соответствии с видами определенности возможны разные действия. Нейтральная определенность приводит к отсутствию действия: имеется в виду действия по отношению к данному объекту. Отсутствию действия соответствует и аффективная индифферентность. Наступление минус-определенности может вызвать три разных по форме действия: смирение, которому соответствует собственно эмоция страдания (горя); избегание – эмоция страха; сопротивление – эмоция гнева. Три эмоции: страх, гнев и горе-страдание – тесно взаимосвязаны. Страх, по всей видимости, обусловлен стремлением избежать минус-определенности, то есть страдания. В сущности, он – не что иное, как «гипотеза» о вероятности страдания, и он тем сильнее, чем: а) более вероятным кажется; б) более сильной представляется его мера. Гнев, в свою очередь, есть следствие стремления избежать и страдания, и страха, «отдать» свои вероятные страдания и страх тому, кто может стать их источником.

Плюс-определенность означает наличие всех условий для действия, которое можно назвать «овладением». Это условное обозначение, так как конкретные формы, виды и способы овладения могут быть разными. Кроме того, объект может сопротивляться тому, чтобы им овладели (точно так же, как само живое существо сопротивляется тому, чтобы «овладели» им), и, в конце концов, «не допустить» этого.

Разумеется, все «устроено» не так просто, как здесь изложено. Но мы хотели показать лишь самую общую модель, описывающую проблему функциональности взаимодействий с формально-объективной стороны. Далее возникает вопрос: а достаточно ли определять значения в континуумах «полезно – вредно» и «приятно – неприятно»? В животной среде, возможно, достаточно, но человек определяет значения в очень большом количестве функционально-оценочных континуумов. Приведем ряд примеров: хорошо – плохо, полезно – вредно, приятно – неприятно, правильно – неправильно, можно – нельзя, нужно – не нужно,

красиво – безобразно, истинно – ложно, честно – бесчестно, справедливо – несправедливо, разумно – неразумно и т. д. Дж. Келли использовал для их обозначения термин «личностные конструкты» [14], однако его теория развивалась в несколько ином направлении, нежели то, что нас сейчас интересует.

Функционально-оценочные континуумы являются операциональными шкалами. Скрытые за ними функциональные модальности определения значений – уже не континуумы, а целостные феномены. Наиболее фундаментальные из них обозначаются в языке отдельными понятиями: «польза», «истина», «красота», «мощь (сила)», «справедливость», «добро», «свобода» и др. Вернемся к вопросу о том, какова психическая форма их существования? На наш взгляд, из сказанного вытекает следующий вывод: функциональные модальности определения значений представлены в психике и сознании субъекта в виде *ценностей*. Во всяком случае, нам неизвестно более подходящее понятие из используемых в современной науке.

Функциональные модальности определения значений – содержание связи между субъектом и объектом в их взаимодействии. Они объективны, так как существуют независимо от знания (или не знания), желания (или не желания) и воли субъекта. Они субъективны по той причине, что разные функциональные модальности определения значений каждым субъектом воспринимаются как реальность его собственного существования, и их содержание специфически интерпретируется этим субъектом.

В частности, у разных людей существуют различные представления (так называемые «наивные» концепции) о добре, красоте, пользе, то есть сущность каждой ценности понимается ими неодинаково. Следовательно, то, что было названо нами функцией, содержанием связи в системе «субъект – объект», превращается в ценностную форму, которая сама может наполняться разным содержанием. В итоге в структуре ценностей двух субъектов (культур, групп, личностей) одна и та же ценность может иметь одинаковую приоритетность, но пониматься ими неодинаково (двое будут считать, что важнее всего на свете справедливость, но окажутся не в состоянии найти общий язык).

Содержания, вкладываемые в одну и ту же ценностную форму (так же, как и ценностные приоритеты) вряд ли поддаются рациональному обоснованию. В качестве примера можно привести категорию свободы. Известно, что уже в течение долгого времени существуют несколько философских ее трактовок (марксистская, анархистская, экзистенциальная и др.), но истинность ни одной из них не может считаться доказанной. Подавляющее большинство людей не предается философским размышлениям, но это не мешает им иметь собственные, хотя и очень расплывчатые представления о сущности и смысле тех или иных ценностных категорий, в том числе свободы.

Можно предполагать, что существуют взаимосвязанные трактовки содержания различных ценностных категорий, образующие целостные ментальные системы. Мы имеем в виду следующее: то или иное понимание сущности добра, справедливости, истины и т. д. может влечь за собой определенное понимание сущности свободы, любви, дружбы, красоты, и наоборот. Это, в свою очередь, должно приводить к образованию глобальных ценностных типов личности, ценностных типов культур и цивилизаций с присущей им интерпретацией содержания

и смысла ряда базовых ценностей и со свойственным им решением вопроса об их приоритетности.

Итак, в нашем понимании ценности – это представленные в психике и сознании функциональные связи между субъектом и объектом, которые характеризуются специфическим содержанием, субъективной интерпретацией этого содержания, мерой приоритетности и являются конечными основаниями при определении значений объектов, событий, ситуаций и т. д. Их стержнем являются наиболее общие представления личности (в том числе и в первую очередь, себя самого) о месте человека в мире и его связях с окружающей действительностью. Эти основания складываются в результате социокультурного развития личности и структурируются в виде иерархической системы предпочтений, приобретающей индивидуализированные формы.

Summary

B.S. Alishev. The Interaction in the Framework of “Subject – Object” System and the Problem of Values.

The article presents an attempt to theoretically analyze and justify the interpretation of values as functional nexuses appearing in human interactions in the framework of “subject – object” system. It is argued that those interactions are performed in inevitably uncertain circumstances. The necessity of overcoming that uncertainty in its turn leads to the necessity of employing the sense-making process. Sense-making is approached as one of the general functions of human psyche. At the same time every case of sense-making is very specific and is carried out in the situation of diverse functional modalities (i. e. in the space of cohabitation of different points of view). They exist in different forms on the different stages of evolutionary process, manifesting themselves as values on the level of human being consciousness.

Key words: subject, object, interaction, uncertainty, overcoming of uncertainty, sense-making, functional modalities of sense-making, values.

Литература

1. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. – СПб.: Евразия, 1999. – 432 с.
2. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. – М.: Дело, 2003. – 360 с.
3. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – 352 с.
4. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
5. Гартман Н. Эстетика. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 692 с.
6. Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 168 с.
7. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. – М.: Наука, 1978. – 311 с.
8. Климов Е.А. Общечеловеческие ценности глазами психолога-профессиоведа // Психол. журн. – 1994. – Т. 15, № 4. – С. 130–136.
9. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 512 с.
10. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2003. – С. 664–1019.
11. Сартр Ж.-П. Очерк теории эмоций // Психология эмоций / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 120–137.

12. *Штирнер М.* Единственный и его собственность. – Харьков: Основа, 1994. – 558 с.
13. *Фромм Э.* Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1986. – 238 с.
14. *Келли Дж.* Психология личности. Теория личностных конструктов. – СПб.: Речь, 2000. – 249 с.

Поступила в редакцию
17.03.09

Алишев Булат Салямovich – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Казанского государственного университета.
E-mail: Bulat.Alishiev@ksu.ru